

УДК 316.46+303.4

А.И. Лысюк

ОБЪЕКТИВНЫЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ ПОЛИТИЧЕСКОГО ЛИДЕРСТВА: КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВАНИЯ

Данная работа посвящена анализу совокупности концепций, исследующих влияние объективных факторов на становление и развитие феномена политического лидерства. Изучаются разработанные Гегелем методологические основания объективистского подхода к детерминации лидерства. Дается оценка марксистской интерпретации детерминации политического лидерства, являющейся диалектическим единством общего, особенного и единичного. Исследуются концепции постиндустриального общества, в которых деятельность лидеров жестко определена логикой и требованиями нового научно-технического порядка, процессов глобализации. Специальному анализу подвергается проблема зависимости политического лидерства от институциональных и правовых факторов. Делается вывод о том, что объективные обстоятельства политической деятельности государственного лидера своей детерминирующей потенциал проявляют главным образом через систему профессиональных требований к обладателю высшей политической позиции, правовое регламентирование его деятельности, образцы политических карьер, социальные обстоятельства и вызовы.

В мировой политической науке существует ряд концепций, исследующих влияние объективных факторов на становление и развитие феномена политического лидерства. В самом общем виде условно их можно разделить на две группы. Первая представлена теориями макросоциального уровня, рассматривающими лидера как орудие, своего рода марионетку Объективного духа, социальной закономерности, исторической необходимости и т.п. Лидерство в этом случае основано на способности лидера стать персонификатором и волевым импульсом исходящих от них императивов, выразить их смыслы и деятельные силы.

Вторая группа концепций анализирует степень влияния на лидерство объективных факторов, главным образом правовых и институциональных, в рамках которых оно осуществляется. Как отмечает D. Kavanagh, вопрос, «насколько моделируют объективные обстоятельства политического лидера, является до сих пор в науке нерешенным, так как, с одной стороны, теории «великого человека» признаны ошибочными, поскольку они уделяют слишком большое внимание роли человеческого выбора. С другой стороны, экономический детерминизм лидерства, разрабатываемый в рамках марксистской интерпретации и лишивший политических лидеров социального пространства для инноваций и маневрирования, не нашел своего эмпирического подтверждения» [10, с. 132–133].

В настоящее время многими учеными признается как «фундаментально ошибочная атрибуция» склонность ряда исследователей рассуждать об исторических политических личностях, не учитывая в достаточной мере внешние детерминанты их поведения. Важной в этом отношении является констатация D. Simonten, который, излагая результаты собственных исследований факторов, определивших исторические роли и масштабы влияния 342 европейских монархов средневековья и нового времени, американских президентов, пришел к выводу о значительном перевесе ситуационных, объективных факторов над личностно-психологическими [11].

В связи с этим было бы целесообразно исследовать потенциал объективных факторов в системе политического лидерства и проследить их возможные взаимосвязи с социокультурными детерминантами. Решение этой проблемы является **целью** данной работы

Методологические основания объективистского подхода к системе детерминации лидерства были заложены Гегелем, определившим мировую историю как самопро-

явление Объективного духа. Одной из форм подобной объективации является государство как действительность субстанциональной воли, содержащее «в себе и для себя разумное». Соответственно, лидер определенного государства является выражением воли мирового духа, а содержание его власти как последнего волевого решения, призванного объединить все власти в интегративное единство, является началом и вершиной целого – конституционной монархии [1, с. 319–321].

Согласно концепции Гегеля, так как дух действителен лишь в качестве того, «чем он себя знает» и государство в качестве духа народа является вместе с тем пронизывающим все его отношения законом, нравами и сознанием индивидов, то государственное устройство определенного народа оказывается зависимым от характера и развитости самосознания граждан. Следовательно, качественное содержание как государства, так и его главы определяется тем, что мы сегодня называем культурой общества.

Кроме того, по утверждению Гегеля, действия людей вытекают из их потребностей, страстей, интересов, характеров и способностей, которые играют в системе детерминации человеческой деятельности главную роль. Воля Мирового духа содержится в целях отдельных индивидов, социальных групп и осуществляется благодаря им, что является своеобразной *хитростью разума*. «Идея уплачивает дань наличного бытия и бренности не из себя, а из страстей индивидуумов» [2, с. 84]. Естественным образом понимание источников политического лидерства включает в себе анализ мотивов и способностей лидера, его последователей.

Что же касается «высоких» мотивов, то, как полагает Гегель, такие общие цели, как желание добра, благородная любовь к отечеству и др. – все эти добродетели играют ничтожную роль в преобразовании социального мира, поскольку то, чего требует и что совершает в себе и для себя конечная цель духа, стоит выше обязанностей и требований, которые выпадают на долю индивидуальности, ее нравственности. Поэтому совершенно неразумно предъявлять к всемирно-историческим политическим персоналиям моральные требования.

Принципиальное значение для данной работы имеет положение Гегеля об активности социальных субъектов, обусловленной имманентно присущим им принципом свободы. «Субстанцией, сущностью духа является свобода» [2, с. 70]. Социальное пространство в понимании Гегеля предстает полем осуществления сущностных сил человека, где человек выступает как свободная, деятельная сила. Естественным образом, это в полной мере относится к процессу проявления политическим лидером его деятельных сил.

Гегель указывает также на способ осуществления свободы человека, который имеет непосредственное отношение к проблеме соотношения свободы и необходимости. Он отмечает, что мы должны рассматривать внутренний, в себе и для себя сущий духовный процесс как необходимое, а то, что в сознательной воле людей представляется их интересом, является проявлением свободы. Деятельность есть средний термин заключения, одним из крайних пунктов которого является общая идея, пребывающая в глубине духа, а другим – внешность вообще, предметная материя. Благодаря деятельности совершается переход общего и внутреннего к объективности. Поэтому именно в деятельности политического лидера, его последователей происходит соединение, «сопряжение» внутренних и внешних обстоятельств их политического бытия.

В конечном счете Гегель указывает на конкретные условия достижения лидерских политических позиций, используя в качестве образца политическую деятельность Юлия Цезаря. В понимании Гегеля «историческими людьми» в сфере политики являются те персоны:

- а) в целях которых содержится всеобщее;
- б) частные цели которых содержат в себе тот субстанциональный элемент, который составляет волю мирового духа;

в) понимающие «что нужно», что является целью и вложившие в ее осуществление свою энергию;

г) сделавших это *своевременно* («их действия, их речи – лучшее в данное время»);

д) «великие люди желали доставить удовлетворение себе, а не другим» [2, с. 81–82].

Цезарь в подобном ракурсе предстает как образец римской целесообразности, принимающий решения в высшей степени обдуманно и приводящий их в исполнение энергично, практично и целесообразно. Он выступает как примиритель внутренних противоположностей, отстаивающий сплоченность римского мира от партикуляризма. В его личности партикулярная субъективность стала свободной от всяких ограничений, ничем не ограниченным произволом, «но под властью одного этого человека все оказывается в *порядке*» [2, с. 337].

Таким образом, представленная Гегелем схема детерминации политического лидерства включает в себя два основных компонента. С одной стороны, анализ детерминант политического лидерства предполагает конкретное исследование его структурных компонентов, процессуальных характеристик, поскольку именно посредством их «дух» проявляет себя.

С другой стороны, Гегель указывает на жесткую зависимость деятельности субъектов политического процесса от императивов Объективного духа, умопостигаемые конструкции которого, в конечном счете, определяют содержание и рамки деятельности человека.

Объективистский подход Гегеля к организации социальной деятельности в своих принципиальных характеристиках был заимствован марксистским учением. При этом, однако, была осуществлена определенная переформулировка концептуальных парадигм Гегеля: место Объективного духа заняла историческая закономерность, национального духа – классовый интерес, партикулярных отношений – социальные антагонизмы, свободы личности – необходимость подчинения целому (коллективу и государству). Конкретный политический лидер занимает властную позицию по сути дела благодаря случайному стечению обстоятельств и действию объективных общественных сил. К. Маркс отмечал, что люди сами делают свою историю, но они ее делают не так, как им вздумается, и при обстоятельствах, которые не сами они выбрали, а которые непосредственно существуют, даны им и перешли от прошлого [4, с. 422]. Если у исторического процесса возникала нужда в том или ином лидере, то он с необходимостью появляется, отражая новое сочетание социальных сил.

Это не означает, правда, что личностные и политические качества лидера не имеют никакого значения. «Влиятельные личности благодаря особенностям своего ума и характера, – отмечал В. Плеханов, – могут изменять индивидуальную физиономию событий и некоторые частные их последствия, но они не могут изменить их общее направление, которое определяется другими силами... Чтобы человек, обладающий талантом известного рода, приобрел благодаря ему огромное влияние на ход событий, нужно соблюдение двух условий. Во-первых, его талант должен сделать его более других соответствующим общественным нуждам данной эпохи. Во-вторых, существующий общественный строй не должен заграждать дорогу личности, имеющей данную особенность» [5, с. 326–327]. В марксистской интерпретации детерминация политического лидерства является диалектическим единством общего, особенного и единичного: общее – это развитие производительных сил, способ производства, особенности исторической эпохи; особенное – историческая обстановка, соотношение классовых сил; единичное – индивидуальные особенности политических руководителей и «других «случайностей», благодаря которым события получают свою «индивидуальную физиономию».

Роль объективных факторов как детерминантов государственного лидерства в их наиболее обобщенной форме представлена позицией русского писателя-философа Л.Н. Толстого, в концепции которого основные субъекты политической жизни практически полностью лишены, несмотря на масштабы политической власти, возможности реального политического целедостижения, так как по причине «наложения» деятельностей миллионов людей конечный исторический продукт всегда непредсказуем. Л.Н. Толстой писал, что «действия Наполеона и Александра... были так же мало произвольны, как и действие каждого солдата... Это не могло быть иначе потому, что для того, чтобы воля Наполеона и Александра... была исполнена, необходимо было совпадение бесчисленных обстоятельств... Человек сознательно живет для себя, но служит бессознательным орудием для достижения исторических, общечеловеческих целей... Царь – есть раб истории. История, то есть бессознательная, общая, роевая жизнь человечества, всякой минутой жизни царей пользуется для себя как орудием для своих целей... В исторических событиях так называемые великие люди суть ярлыки, дающие наименование событию, которые так же, как и ярлыки, менее всего имеют связи с самим событием... Воля исторического героя не только не руководит действиями масс, но сама постоянно руководима» [6, с. 9–11, 752].

В настоящее время объективистские позиции относительно проблемы детерминации политического лидерства занимают идеологи постиндустриального общества, в концепциях которых деятельность лидеров жестко определена, «сжата» логикой и требованиями нового научно-технического порядка, процессов глобализации при одновременной минимизации значимости личностного выбора, а также «культурные детерминисты», доказывающие, что социальные обстоятельства оказывают решающее воздействие на лидера, определяют его мотивы и поведения, оставляя минимальное пространство для его инициативности и политического маневрирования. Согласно данной позиции происходит деперсонализация политического лидерства: всемогущая личность заменена управленческим штатом, где основную роль играют технические специалисты и бюрократическая организация. Социальную креативность и независимость лидер берет только в условиях разрушения устойчивых социальных связей и отношений.

Наряду с глобально-объективистскими концепциями, жестко ограничивающими социальное пространство и возможности для проявления политическими лидерами своего потенциала, существуют институционально-объективистские концепции, в которых непосредственными источниками, точнее, регуляторами лидерства, выступают институциональные и правовые факторы.

Проблема зависимости политического лидерства от институциональных и правовых факторов активно разрабатывалась и разрабатывается в силу исторической традиции прежде всего в немецкой политической науке, в то время как в американских исследованиях основной акцент делался на анализе психологических и социокультурных источников лидерства. В связи с этим было бы целесообразно проследить формы и уровни влияния объективных факторов на политическое лидерство, выделенные немецкими исследователями на основе анализа деятельности послевоенных государственных лидеров (канцлеров) Германии.

Необходимо прежде всего указать на то обстоятельство, что для Германии характерно традиционно сильное политическое влияние немецких канцлеров, что способствовало появлению таких политических терминов, как «канцлеровская демократия» и «демоавторитарное руководство». Авторитаризации системы политического лидерства в ФРГ способствовала целая совокупность объективных обстоятельств.

Во-первых, наличие соответствующих правовых предпосылок. Как отмечал W. Hennis, «наш основной закон дает в руки канцлеру все правовые возможности для реализации своей компетентности... Он выбирает сотрудников, имеет обширные ин-

формационные возможности, обладает значительными институциональными инструментами... В момент его избрания «рысак» уже оседлан. Дальнейшее определяется уже личными качествами политика, его искусством государственного управления» [8, с. 27].

Существенную роль в создании сильных правовых предпосылок власти канцлера сыграло и то обстоятельство, что первый послевоенный канцлер (К. Аденауэр) явился непосредственным творцом новой конституции, первым интерпретатором конституционно-правовой компетентности канцлера, создателем институциональных инструментов и параметров, регулирующих его деятельность.

Во-вторых, существенную политическую роль традиционно играет администрация канцлера, контролирующая большинство министерств и являющаяся противовесом роста их влияния.

В-третьих, в силу большой роли партий в политическом процессе страны карьера того или иного политического деятеля в решающей степени зависит от эффективности партийной политики, его успехов или неудач на выборах, поддержки партией того или иного политического деятеля, отношений с партийным аппаратом. Кроме этого, поддержка партии жизненно необходима канцлеру для исполнения государственных функций. Наиболее известные немецкие канцлеры (Г. Коль, К. Аденауэр, В. Брандт) вошли в историю именно как «партийные» политики, опиравшиеся на партийный аппарат. Политическая карьера канцлеров обычно заканчивалась тогда, когда они утрачивали поддержку «своей» партии (Л. Эрхард, К. Кизингер, Г. Шмидт).

В целом взаимодействие партии и ее лидера носит противоречивый характер: авторитет партии может как ограничивать возможности лидеров, так и расширять их. В подтверждение этого тезиса можно привести некоторые данные социологических исследований. Так, например, в 1969 году за К. Кизингера как претендента на пост канцлера высказалось 54% респондентов, в то время как свои политические симпатии блоку ХДС/ХСС, который он возглавлял, адресовали 44% опрошенных. Второй претендент на пост канцлера В. Брандт получил поддержку 32% респондентов, а «его» партия СДПГ – 46%. Перед выборами 1976 году 46% опрошенных высказались в поддержку Г. Шмидта как претендента на пост канцлера, но одновременно только 43% отдали политическое предпочтение СДПГ. В это же время лично Г. Коля поддержало 40% опрошенных, в то время как ХДС – 49% [7, с. 51, 57].

В-четвертых, содержание и эффективность деятельности государственного и партийного лидера во многом определяются соответствием этой деятельности объективным ситуативным обстоятельствам, способностью ответить на «вызовы времени».

Вышеприведенные объективные факторы воздействуют на лидерство и посредством «социального заказа» на определенный тип политического лидерства и характерный для него образец политической карьеры в рамках определенного государства. Как отмечал D. Herzog, «политические карьеры являются социально структурированными и создают образец именно в том смысле, что в каждой исторической ситуации имеются не бесконечно разнообразные и предельно индивидуализированные пути политического восхождения, а только немногие, посредством которых все снова и снова одинаковым способом рекрутируются новые поколения политических деятелей. Эти пути обусловлены не только общим государственным строительством, организационными формами партий и избирательной системы, но также и едиными способами поведения» [9, с. 66]. Только тот политик обречен на успех, кто будет следовать в унисон существующим в определенном политическом пространстве карьерным образцам.

Кроме этого, социальная среда способствует актуализации определенных групп политических способностей, необходимых для осуществления эффективной деятельности, а также определяет направления ценностно-идеологической интеграции политиче-

ских позиций лидера и последователей. В силу этого тенденция бюрократизации, например, создает спрос на административные способности, рост сложности и комплексности проблем – на организационные таланты, революция «участия» и революция «информационная» – на коммуникативные компетентности, идея «деидеологизации» общества – на необходимость апелляции к религиозно-нравственным ценностям и «новым» потребностям (экологическим, гендерным и т. п.). В качестве примера можно привести тип современного государственного лидера, действующего в геополитическом пространстве западной цивилизации, необходимыми предпосылками политической карьеры которого являются:

- а) обладание точным знанием по широкому комплексу общественных проблем;
- б) способность к координации деятельности различных политических акторов;
- в) овладение искусством коммуникации, актуализированным интенсивной функциональной дифференциацией современного общества и несоответствием данным условиям иерархических линий приказа;
- г) умение выполнять функции не столько «посредничества интересов», сколько их «конверсии» и др.

В американской политической науке преобладает позиция, указывающая, что детерминирующее воздействие институциональных факторов проявляется через систему требований к президенту. Он должен быть способным убеждать, торговаться, придать четкую направленность национальной политике, выступать символом и олицетворением нации и государства.

В свою очередь украинский политолог Г. Зеленко указала на наличие детерминирующей зависимости между фазой демократического транзита и господствующим типом политического лидерства [3].

Таким образом, объективные обстоятельства политической жизнедеятельности государственного лидера свой детерминирующий потенциал проявляют главным образом через (1) систему профессиональных требований к обладателю высшей политической позиции, (2) правовое регламентирование его деятельности, (3) соответствие определенным стандартам его политико-карьерного восхождения, (4) социальные обстоятельства и вызовы, обуславливающие политическую практику лидера.

Можно утверждать, что концепции, исследующие детерминирующее воздействие объективных факторов на систему политического лидерства, указывают на совокупность важных условий, регламентирующих деятельность лидера и последователей.

Наряду с этим вне анализа остаются важные факторы, регулирующие взаимодействие лидера и последователей. Во-первых, практически полностью из системы лидерства исчезают имманентно присущие им мотивационные образования.

Во-вторых, игнорируется содержание культурных систем, в рамках которых осуществляется процесс политического лидерства.

В-третьих, не рассматривается самое главное в феномене лидерства – система взаимодействий между лидером и последователями, естественным образом, в силу своей «личности», «человечности», «рукотворности», носящая социокультурный характер.

В-четвертых, за контекстом рассмотрения остается важнейшая составляющая лидерства – последователи.

В-пятых, отсутствуют даже слабые попытки выявить различные уровни детерминационных систем и установить между ними логические связи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гегель. Философия права / Гегель. – М. : Мысль, 1990. – 524 с.

2. Гегель. Философия истории / Гегель. – СПб. : Наука, 1993. – 479 с.
3. Зеленко, Г. Контексти політичного лідерства на постсоціалістичному просторі / Г. Зеленко // Політичний менеджмент. Спеціальний випуск. – 2006. – С. 136–146.
4. Маркс, К. Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта / К. Маркс, Ф. Энгельс Избр. произвед. : в 3 т. – М. : Политиздат, 1979. – Т. 1. – С. 418–516.
5. Плеханов, Г. В. Избранные философские произведения : в 5 т. / Г. В. Плеханов. – М. : Политиздат, 1956. – Т. 2. – 565 с.
6. Толстой, Л. Н. Война и мир / Л. Н. Толстой. – М. : Художественная литература, 1983. – Т. 3, Т. 4. – 799 с.
7. Haungs, P. Kanzlerdemokratie in der Bundesrepublik Deutschland. Von Adenauer bis Kohl / P. Haungs // Zeitschrift für Politikwissenschaft. – 1986. – Nr. 1. – S. 50–77.
8. Hennis, W. Richtlinienkompetenz und Regierungstechnik / W. Hennis. – Tübingen : Opladen, 1964. – 211 S.
9. Herzog, D. Der moderne Berufspolitiker / D. Herzog // Eliten in der Bundesrepublik Deutschland. – Stuttgart/Berlin/Köln : Kohlhammer, 1990. – 180 S.
10. Kavanagh, D. Political Science and Political Behavior. Political Leaders / D. Kavanagh. – London, 1983. – 223 p.
11. Simonten, D. K. Personality and Politics. Handbook of Personality Theory and Research. / ed. L. A. Pervin. – New York, 1990. – P. 680–690.

Lysiuk A.I. Objective Determinants of Political Leadership: Conceptual Basis

A given article is dedicated to the totality of concepts, which study the influence of objective factors on the formation and development of political leadership phenomenon. Studied is worked out by Hegel methodological basis for objectivist approach to the leadership determination. Evaluated is the Marxist interpretation of political leadership determination, which is the dialectic unity of common, specific, and single. Studied are the concepts of postindustrial society, in which the leaders' activity is strictly determined by logic and requirements of scientific and technical order, processes of globalization. Specifically analyzed is the problem of political leadership dependence upon institutional and legal factors. It is concluded that the objective circumstances of political activity of a state leader reveal their determining potential mainly through the system of professional requirements to the owner of a higher political position, legal regulation of his activities, models of political careers, social circumstances and challenges.